Я сыт по горло коммунистическим гуманизмом

В прошлом номере «Литературной газеты» статьей А. Ципко «Ослепление и наказание» редакция открыла рубрику «Десять лет, которые потрясли...». Мы полагаем, что настало время попытаться всесторонне осмыслить события 1991 года и последующего десятилетия. Сегодня о потрясших Россию годах размышляет выдающийся физик, один из создателей советской водородной бомбы академик Виталий Лазаревич ГИНЗБУРГ.

- Виталий Лазаревич, как вы в целом оцениваете минувшее десятилетие - десятилетие крутых перемен в жизни нашей страны? Скорее положительно или скорее отрицательно? С одной стороны, рухнул коммунистический режим, с другой - так называемый переходный период явно затянулся и обернулся для многих людей многими бедами...

- Я, безусловно, оцениваю его положительно. Просто даже безоговорочно. Правда, за это время действительно произошло много уродливого и отвратительного, но как все это можно сравнивать с дикой несвободой, царившей в прежнем тоталитарном государстве? Ведь сколько страданий выпало людям! Сейчас это все раскрывается - это же просто кошмар: миллионы погибших, неслыханные муки человеческие...

Мне тогда тоже досталось, хотя, конечно, несравненно меньше, чем многим другим. В 1944-м мою будущую жену с рядом ее товарищей арестовали и предъявили им идиотское обвинение в подготовке покушения на «вождя всех народов»: Нина жила на Арбате - из ее окна, мол, и предполагалось стрелять в «величайшего гения всех времен». Правда, потом до сознания проницательных следователей из НКВД удалось довести, что ее окна на Арбат не выходят. Это не спасло Нину от лагеря, но спасло от чего-то большего. Впрочем, в целом по определенным причинам, повторяю, мне повезло - я остался цел, но все равно, сколько издевательств пришлось вытерпеть! Такой вот у нас был великолепный строй.

- Как вы полагаете, СССР стал на путь перемен закономерно или достаточно случайно?

- Думаю, достаточно случайно. На пост генсека могли выбрать какого-нибудь негодяя, и он сидел бы до сих пор. Ведь перед нами пример этого демагога Кастро, установившего диктатуру на этом маленьком островке. В условиях диктатуры очень трудно свалить диктатора... Но выбрали Горбачева... Так что в целом я оцениваю перемены, произошедшие в нашей стране, положительно. Мы были рабами, хотя, может быть, не всегда это понимали. Сейчас, что ни говори, мы свободные люди. Во многих отношениях у нас плохо, но есть свобода слова...

- Да, кстати, не ущемляется ли она, на ваш взгляд, в последние месяцы?

-Я не согласен, что она ущемляется. Это демагогия. Как говорится, мне бы ваши заботы, господин учитель. Я уже критиковал НТВ в «Литературной газете», задолго до апрельских событий на этом канале. Последующие события только укрепили меня в убеждении, что НТВ - далеко не герой нашего времени. Я абсолютно не понимаю, почему для свободы слова будет хуже, если телеканалом будет управлять не какой – то олигарх, а правительство.

Вообще, кто кому затыкает рот? Коммунисты в своих газетах пишут что хотят. Всякие листки распространяются... В принципе я считаю, что все это уже оборачивается вседозволенностью. Так что свобода слова у нас есть. Есть свобода передвижения. У нас отвратительно другое. Больше всего - плохое управление и социальное неравенство. По существу, по своим убеждениям я все-таки социал-демократ. Идеал социал-демократии, как я ее понимаю, - не давать буржуям слишком большой воли. Тем более не давать ее очевидным ворам. Хотя, конечно, частная собственность должна быть. Я когда-то верил во все эти коммунистические глупости, но сейчас я понимаю, что против человеческой натуры не пойдешь. Так сформировался наш биологический вид, что не может человек без собственности.

Но все-таки принимать какие-то меры, чтобы обуздать эту сволочь, конечно, необходимо. Ведь черт знает что творится: все эти капиталы олигархов -это же все, по существу, навороване. В ходе реформ были допущены какие-то радикальнейшие ошибки, позволившие воровать так масштабно. Но все равно сравнить это с прежними безобразиями нельзя. Я бы так сказал: сейчас есть две угрозы. Одна - вернуться к коммунизму. Думаю, сейчас это нереально. А другая - что слишком большую власть заберут олигархи. Ведь они повсюду, куда, ни плюнь... Вот хотя бы что у нас в дачном поселке сейчас происходит? В свое время я получил Сталинскую премию I степени, построил небольшой дом. Жили достаточно скромно, были маленькие заборчики между участками. А сейчас я там какая-то белая ворона. Кругом какие-то латифундии, многомиллионные заборы... У людей просто фантастические деньги. Ну, куда это годится?

- В годы перестройки вы занялись политикой, были избраны народным депутатом СССР. Как полагаете, достигнуты ли сейчас, хотя бы частично, те цели, к которым вы тогда стремились?

- Трудно сказать... Занялся политикой - это сказано слишком громко. Выбрали, и надо было исполнять обязанности депутата. Я был членом комиссии по борьбе с привилегиями. Пытался с ними бороться. Но вскоре убедился, что ничего тут сделать нельзя. Даже в нашей Академии наук. Взять хотя бы чрезмерное количество персональных машин. Ясно, что безобразие. Дорого, неэкономично, неэффективно... Но ничего переломить нельзя. Выступал на собраниях, в прессе, в том числе у вас в «Литературке», говорил с президентом. Все бесполезно. Когда дело касается привилегий, ничего тут не перешибешь. Но если подходить к делу более широко, все-таки какие-то наши устремления того времени реализованы, какая-то свобода достигнута. Хотя, конечно, я

надеялся на большее.

- Согласны ли вы с утверждением А. Ципко, что, несмотря ни на что, коммунистический режим все же был более гуманным строем, чем тот, который возник у нас на его обломках? Как вы уже говорили, в свое время вы близко познакомились с «гуманизмом» коммунистического режима, но, может быть, сейчас в каком-то смысле дело обстоит еще хуже?

- Нет, нет, я с этим не согласен. Несмотря на всю гадость, которая сейчас есть, с тем, что было, нельзя даже сравнивать: людей арестовывали без всяких оснований, пытали... Правда, в какой-то период стало немножко полегче, но сама система, совершенно прогнившая, оставалась в неизменности. Нет, тут мое мнение однозначно. Хотя, повторяю, я очень огорчен нынешним социальным неравенством. Прямо стыд! Лекарств же многие не могут купить...

- Еще одно утверждение, часто появляющееся в печати: в духовном, нравственном отношении советская жизнь руководствовалась более высокими стандартами, чем нынешняя посткоммунистическая. Тогда, как мы знаем, упорно строили светлое будущее для всех, а сейчас ни о каком таком будущем не заикаются: одни, меньшинство, стремятся построить лучшую жизнь для себя лично (и нередко весьма преуспевают в этом), а другие бьются за то, чтобы просто выжить. Какого вы мнения о духовности и нравственности советских времен в сравнении с временами нынешними?

- Нельзя отрицать, что тогда у многих людей действительно были идеалы: строительство светлого будущего и т.д. С идеалами легче было жить. Но я убежден: если бы эти люди понимали весь ужас реально происходившего в ту пору, они бы в петлю полезли. Ведь масса людей просто не знала, что Сталин -это бандит. О какой духовности и нравственности можно говорить, если все построено на лжи и обмане, на сокрытии информации и искажении правды?

Я убежден и всегда говорю об этом, что тоталитаризм един, что в своих конечных проявлениях фашизм и коммунизм - фактически одно и то же. Ведь совпадение тут просто до деталей. Но в период революции и позже была масса идеалистов, которые жили декларируемыми «передовыми» идеями. Эти идеи были как религия. А сейчас действительно разуверились и ощущают пустоту... К тому же тогда не знали, как живут за границей. Не с чем было сравнивать. Если по карточкам что-то «выбросили», уже счастье.

- Говорят, что «антикоммунистическая революция», призванная реставрировать такую «низменную» вещь, как частная собственность, по природе своей более аморальна, чем социалистическая, овеянная романтикой справедливых слов и прекрасных лозунгов. Кстати, ваш коллега и сотрудник Андрей Дмитриевич Сахаров, при всем его либерализме, довольно неодобрительно относился к частной собственности. У вас тоже предубеждение против нее?

- Лично у меня никакого стремления к частной собственности нет. У меня есть приличная квартира, есть дачка - мне этого достаточно. А иметь во владении какие-то акции или какое-то предприятие, да упаси Бог. Так что, можно сказать, в личном плане у меня действительно предубеждение против частной собственности. Но, как я уже сказал, в целом стремление к ней заложено в человеческой природе. Почему так получается, я не могут понять. Это великий социальный и биологический вопрос. Я думаю, если бы люди были поумнее, тогда и социализм можно было бы построить. Я бы сказал так - у меня раздвоение личности: где-то внутри я верю в возможность социализма, коммунизма с человеческим лицом, хотя, с другой стороны, понимаю, что это чепуха. Об этом еще Толстой писал. Потрясающе, как он все понимал. В одной из своих книг я привожу его слова: «Почему вы думаете, что люди, которые составят новое правительство, люди, которые будут заведовать фабриками, землею... не найдут средств точно так же, как и теперь, захватить львиную долю, оставив людям темным, смирным только необходимое?..» Так у нас и получилось с «новым правительством», то есть с коммунистической властью. В общем, идеальный строй нигде не удалось построить, не только у нас. Вывод: это противно человеческой природе, ничего тут не сделаешь. Впрочем, октябрьский переворот в России в каком-то смысле сыграл для человечества и положительную роль: он ярко высветил существующие социальные проблемы, на это нужно было реагировать. Чтобы у них на Западе не произошло чего-то подобного, правительства ряда стран вынуждены были приоткрыть клапаны. До этого момента действительно было и колоссальное неравенство, и нещадная эксплуатация, а сейчас забота о том, что называют правами человека, достигает в этих странах даже раздражающей степени. Под этой маркой черт-те о чем заботятся.

- Много скорби сейчас изливается на страницы газет по поводу нынешнего «разрушения» советской системы образования, науки, медицинского обслуживания, которые, мол, были чуть ли не лучшими в мире. Я понимаю, что опыт пациента привилегированной поликлиники Академии наук не дает вам большого материала, чтобы сравнивать «тогдашнее» и «нынешнее» здравоохранение (подозреваю, что в академическом медучреждении все остается примерно на том же уровне), но вот оценить перемены в науке и системе образования вы как ученый, как вузовский преподаватель, наверное, можете в полной мере.

- Что касается медицины, то и в академии стало, конечно, хуже. Ушла масса врачей. У них тоже ничтожные зарплаты, как и у научных работников, нет медикаментов. А об обычных поликлиниках и говорить нечего, особенно в глубинке. Впрочем, там и раньше было не особенно хорошо - в Москве все-таки существовали неплохие поликлиники. Но и за границей, я вам скажу, не такой уж сахар: сходить к врачу стоит довольно дорого.

Теперь насчет образования. Как обстоят дела в средней школе, я знаю плохо. Единственно, что меня глубоко возмущает, - это проникновение туда клерикализма. А вот высшая школа еще стоит, еще держится. Я работаю завкафедрой в Физтехе. Трагедия заключается в том, что мы в значительной степени готовим студентов для

Америки. Или для других стран. Мы не можем создать для выпускников условия, сопоставимые с тем, что они находят на Западе. Как положительный факт могу отметить, что у нас еще сохранились старые преподавательские кадры, сохранились замечательные учебники. Издаются новые. Вообще, в последнее время, как вы знаете, наблюдается некое возрождение издательского дела, в том числе и касающегося издания научной литературы. Нельзя тут все огульно хаять. Правда, тиражи очень малы. Если же перейти к разговору о науке, основные проблемы тут связаны со скудным финансированием. Если еще лет десять продлится нынешнее безденежье, если научным работникам не будет существенно повышена зарплата все придет в еще больший упадок.

Вот у меня есть интересные цифры. Федеральный бюджет США на 2001 год выделяет на науку 85,3 миллиарда долларов. Из них около 20 миллиардов предназначены на так называемые фундаментальные исследования. Бюджет Общества Макса Планка (Германия) - это некий эквивалент нашей Академии наук - составляет миллиард долларов в год. И это лишь около одного процента всех расходов на науку и образование в Германии. А наша РАН без региональных отделений должна получить в текущем году примерно 175 миллионов долларов. В целом же расходы на науку в стране составят по нашему бюджету 760 миллионов долларов. Как вы понимаете, это очень мало. Так что тягаться с теми же Соединенными Штатами нам не приходится.

Что тут можно предпринять? Член-корреспондент нашей академии В. Брагинский сделал очень смешную вещь: он прикинул, сколько в Одинцовском районе Московской области «замков» «новых русских», мысленно установил для них дополнительный налог в 1% в год на недвижимость (стоимость здания и земли). Кстати, американцы платят больше. Так вот, этих денег вполне хватило бы, чтоб давать на науку миллиард долларов в год, то есть выйти на вполне приличный уровень. К сожалению, на практике это сделать невозможно. Так что на науку денег еще долго не будет хватать, хотя где-то крутятся огромные средства. Все-таки в процессе реформ, повторяю, наши реформаторы совершили какую-то фантастическую ошибку. Конечно, можно было допустить рост этого класса, класса богатых, но не в такой же степени.

- Много сетований по поводу того, что СССР благодаря своей военной мощи был важным, уважаемым игроком на международной арене, а вот Россия, «страна догоняющей демократии», таковой не является. В советские годы, хотя вы и не пользовались особым доверием властей, вас время от времени все же привлекали к работе на «оборонку». В частности, вы, наряду с Сахаровым, внесли важный вклад в создание водородной бомбы. Жалеете, что теперь этот фактор - ядерные боеголовки - не является решающим при определении отношения к той или иной стране, что на первый план вышли совсем другие критерии - уровень экономического развития, социального обеспечения населения, уважение к правам человека и т.д.?

- Я не испытываю абсолютно никакого комплекса неполноценности в связи с тем, что наша страна утратила статус международного пугала. То, что в мире есть ядерное оружие, это, как ни парадоксально, стабилизирующий фактор. И у нас вполне достаточно этого оружия. Кстати, я не понимаю, чего наши политики подняли этот шум по поводу ПРО. Чего они так боятся? Ну, будут американцы сшибать некоторое количество каких-то ракет. Все же не сшибешь. К тому же никто на нас не собирается нападать. В общем, никакого великодержавного шовинизма у меня нет. Страну уважают совсем не за ядерные боеголовки. Уважают ведь ту же Голландию, Данию, Швейцарию, у которых нет ни ядерных бомб, ни ракет. Уважают, в частности, за научные достижения. И за многое другое.

- У авторов, негативно оценивающих последнее десятилетие, встречаются даже утверждения, что победа ГКЧП дала бы большинству нашего населения больше, чем победа демократии, что в августе 1991-го нам крупно не повезло. А вы хотели бы, чтобы ваши дети и внуки жили при режиме ГКЧП?

- ГКЧП был продуктом некоторых ошибок, в частности, ошибок Горбачева, который как руководитель несколько сдал к тому времени (хотя в целом я отношусь к нему с большим уважением). Я думаю, если бы гэкачеписты захватили власть, они не вернулись бы буквально к старой коммунистической системе: они ведь тоже кое-чему научились. Что-то обновляли бы, что-то старались бы сделать лучше. Но все-таки на том демократическом подъеме это был бы реакционный переворот. Ничего хорошего не было бы. Другое дело, что поведение Ельцина, который свалил Горбачева, тоже не вызывает у меня никакого сочувствия. Мне тогда очень не нравилось, как он всячески разваливал Советский Союз. Потом чуть не развалил Россию: берите, мол, столько суверенитета, сколько унесете, и т.д.

- А у нынешнего руководства вы не видите никаких ошибок?

- Я уже много раз говорил и могу повторить еще раз: я считаю огромной ошибкой Путина то, что он пренебрег голосом интеллигенции в вопросе о гим- не. Я очень возмущен и нашей Думой. Все-таки это такой позор, что депутаты не встали, чтобы почтить память жертв холокоста! И тут во мне говорит не еврей: если бы речь шла, например, о жертвах геноцида против армянского народа в 1915 году, я относился бы к этому делу точно так же. Я не понимаю, как может порядочный человек, если его призывают почтить память невинных жертв, не встать и не почтить эту память. Это же просто чудовищно! И когда смотришь на всю эту публику - на Жириновского, на Митрофанова, на этого Шандыбина, - ничего, кроме возмущения, не можешь испытывать. Очень печально, что Дума у нас во многих отношениях столь невысокого уровня. Жалко, что за 10 лет в России не сформировался достойный парламент.

- Так все-таки что в итоге - надо было затевать перестройку и реформы, или, как еще это называют, «антикоммунистическую революцию», или не надо?

- Безусловно, надо. Но все это не было подготовлено. Как я уже говорил, приди к власти не Горбачев, а кто-то

другой, зловонное протухание прежнего режима продолжалось бы еще много лет. Он взялся что-то сделать, но отправные условия были очень тяжелыми. Они-то и сыграли решающую роль в возникновении многого негативного, от чего мы сегодня страдаем. Хотя были и просто субъективные ошибки. Мне не нравится, что некоторые наши реформаторы хотят все сделать в точности так, как в Соединенных Штатах. Я не считаю себя особенно компетентным в этих вопросах, но у меня такое чувство, что, если бы реформы осуществляли более разумные люди, ту же приватизацию можно было бы провести иначе, не дав обогатиться всякой швали. Можно было бы найти более прямую дорогу и к демократии, и к гораздо лучшим условиям жизни, нежели те, какие мы имеем сейчас.

Андрей Павлов